

ИРА СЕРГЕЕВА

ПРИВОКЗАЛЬНАЯ, 1

16+

Ира Сергеева
Привокзальная, 1

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Сергеева И.

Привокзальная, 1 / И. Сергеева — «ЛитРес: Самиздат», 2017

ISBN 978-5-5321-1310-7

Повесть о советском детстве, пришедшемся на 70-е и начало 80-х годов. Действие происходит в провинциальном городе. Очень искренний текст с элементами чёрного юмора. Масса психологических деталей и точных портретов. Читателям от 16+. Вторая повесть написана в модернистской манере. О жизни души, встрече со смертью и преодолении нелюбви. В оформлении обложки использована иллюстрация Маши Костевич.

ISBN 978-5-5321-1310-7

© Сергеева И., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Привокзальная, 1	5
Ивановы. Советское барокко	5
Плохие Сергеевы	6
Ноль внимания, фунт презрения	7
Сараи	8
Наташка Перцева	10
Октябрюта	12
Как я сломала зуб	13
О пользе чтения	14
«Д'Артаньян» на подоконнике	15
Пиковая дама	16
Душа	17
Начальники	18
Дед Алексей	20
И ещё о бабушке	22
Испытания атомного оружия в космосе	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Привокзальная, 1

Ивановы. Советское барокко

Ивановы жили весело, а нам так не разрешалось. Ивановы грызли семечки, ели скумбрию горячего копчения – пахло на весь дом; варили раков с укропом. У дяди Коли на плече была татуировка – верхом на месяце чёрт с гармошкой. У тётки Тамары была привычка – бить дядю Колю сразу же в общем коридоре, подкараулив пьяного за входной дверью и поставив подножку. Их дочка Нелька отличалась туповатостью, в дневнике название предмета «математика» сокращала до «матка». Тётя Тамара хихикала и несильно била свою рыжую дуру по затылку. А Пашка, сын их, был нормальный чувак, справедливый. Если плевал моей вредной сестре поутру в тарелку с молочным супом, и та убегала, не поев, то меня потом честно предупредил, чтоб еду не трогала. И выжигал картины он мастерски.

В общем, Ивановых было четверо, и они жили в той комнате, что ближе к кухне. А мы роскошествовали аж в двух комнатах, подальше.

Пока дед был с нами, к Ивановым нельзя было ни ногой. Дед, как бывший репрессированный, отлично разбирался в паспортных отметках. И сразу же у новых соседей углядел судимость в документах. Выслали их к нам из Ленинграда. Очень маленькая тётка Тамара была в прошлом форточницей, а незлой дядя Коля... в принципе, он мог сидеть за что угодно. Например, его привлекали маленькие зайцеподобные девочки. Такие, как я и сестра. Дядя Коля очень, очень-очень напоминал Волка из «Ну, погоди!»

Потом дедушка умер, оставив бабуле свое последнее «люблю», которое не нашёл времени сказать ей за всю их долгую и бурную совместную жизнь. Моментально к нам подселился замечательно интересный дядя Ваня, которого мама тактично попросила называть «папой». А потом родился Ванечка. Вот нас и стало шестеро. К этому моменту правила быта кардинально поменялись, и ходить к соседям стало можно и даже нужно.

У Ивановых всегда отлично: весело, тепло и уютно. В их маленькой комнате на каждой стене висели часы – самые разные. Между часами красовались бархатные вымпелы «Ударник социалистического труда» с блестящими капельками крови. То есть, кровь – это такие крошечные значки, их выдавали донорам. Дядя Коля с тёткой Тамарой любили сдавать кровь. Значки были и другие – в основном, из мультфильмов. На шифоньере стояло двенадцать ваз. Одна, литого стекла, однажды свалилась Нельке на голову. Треснула ваза. Тётя Тамара работала нянечкой в детском саду, поэтому у них скопилось так много красивых ёлочных игрушек, что иногда наряжали сразу две елки. А ещё Ивановы первыми купили себе цветной телевизор. Я с телевизорами была на «вы»: казалось, по ту сторону экрана люди тоже должны тебя видеть. Поэтому стеснялась и вела себя скованно. Нелька решила мои сомнения просто: подошла к говорящему на экране Брежневу, задрав вязаную зелёную юбку, показала ему попу: «Видишь? Даже не сморгнул!» Убедила.

Плохие Сергеевы

Взрослые скромно себя вели, скучно. А когда расставались, говорили об ушедших гадо-сти. Я не понимала, почему «другая бабушка» плохая. Но, по словам моих собственных бабули и деда, получалась она прямо-таки лицемерным чудовищем.

Время от времени надо было идти через перекидной мост на Телеграфную в гости. И не показывать вида, что я знаю, какая баба Дуся на самом деле. К тому же, меня там кормили нежнейшими ватрушками и пирогами с вороняжкой. Иногда дарили игрушки. Вообще, ничего предосудительного ни за Бабдусей, ни уж, тем более, за дедом–йогом Аркадием, тихо сопевшим где-нибудь в углу на голове, не замечалось. Разве только манерность и сюсюканье моей второй бабушки... Но баба Капа и дед Алексей настаивали на своем: «Никакая она не Львовна – Тигровна!»

Это двоедушие так выматывало, что я возненавидела мост, ведущий от маминых родителей к папиным, высоту, ступени, асфальтовое покрытие с трещинами, и панически боялась по нему ходить. От мысли, что меня вот-вот сдует сильным порывом ветра и я упаду прямо на железнодорожные пути, тошнило, и подкашивались ноги. Брать же на руки я себя не разрешала: перила у моста и так были низкие.

Проходившие внизу железнодорожные составы везли интересные вещи. Например, аппетитного вида серу: жёлто-лимонные кучи, насыпанные в открытые вагоны. И много-много настоящих танков. Дойдя до половины моста, я всей кожей начинала ощущать, как он шатается и вибрирует. Облегчение начиналось только после длинной железной латки, пересекавшей самый конец моста: я вдыхала полной грудью и в два-три прыжка оказывалась у спасительных ступеней, ведущих вниз. А там уже опростетью, судорожно перескакивая ступеньки, бежала быстрее на землю.

У Сергеевых, в их доме с анфиладой комнат и часами, которые время от времени суровым баритоном напоминали, что мне придется возвращаться – наевшись пирогов и прижав к сердцу очередную игрушку, при этом так и не расколовшись, что я знаю, какие они плохие люди, к вечеру я начинала тосковать и просила, чтобы меня оставили здесь – так не хотелось опять проходить по этому мосту вражды. А потом отвечать на ревнивые и презрительные бабулины вопросы.

Ноль внимания, фунт презрения

– А ты – не как все! Главное – не как все! – внушала мама. – Кто там что говорит? А мы на них – ноль внимания, фунт презрения!

Весной огромное пространство между домами, гаражами, сараями и кочегаркой заливают талая вода пополам со снежным крошевом. В центре этой безбрежной лужи с дном из льда одиноко торчит «коробка» – стадион нашего квартала. Площадка, огороженная дощатым зелёным забором. Но лужа столь велика, что захватывает и стадион, и место остановки мусорной машины, и бавгашевские качели у двора Расула Джанканова, и все подходы к подъезду Бабкиных (это тех, которые собак подкармливают). Стоять в центре такой лужищи, чувствуя, как серая масса, колышась от моих движений, чуть-чуть не доходит до края сапог и приятно холодит ноги – верх блаженства. Массой можно управлять, регулируя её движение мелким топтанием на месте или чуть ощутимым шевелением носка ноги. Масса хлопает, отливает жемчужно-серым и рыбьей чешуей. Я забрызгана, волосы висят из-под шапки, а сама шапка съехала набок...

– Вот, не будешь слушаться – такой же станешь! – в меня тычет пальцем мама девочки-ровесницы. Аккуратненькие мама с дочкой правдами-неправдами пробираются через «это стихийное бедствие».

Сказать, что я счастлива – этого мало. Меня распирает от гордости. Столько лет прошло, а до сих пор приятно.

Сараи

Вечер звёздный, зимний, и «коробка» вся забита катающимися, и надо держаться у стеночки и следить, когда подъедут хулиганы, чтобы успеть схватиться за забор и не дать себя сшибить. И катаешься, падаешь, встаешь, а гамаша уже в толстой корке льда, и шерсть на шапке в ледяной броне, и васильковые, бабулей вязаные варежки мороз приварил к меху на рукавах пальто. А нос красный, и голова дурная совсем. Сняла рукавичку – утереть нос, толкнули, и опять мягко свалилась на выщербленный лёд. Тут Серёга Коршунов мимо ехал – и не хулиган, но слегка задел лезвием конька. А руки-то голые! Хоть царапина, но кровь на пальцах выступила. Рядом бабкинские собаки скачут на льду. Почуют кровь – накинутся ещё, я читала, так бывает. Пойду потихоньку. Переобуваться лень, я и из дома прямо в коньках выхожу, мне мама их крепко-накрепко зашнуровывает. По каменным ступенькам в подъезде – противно очень, с визгом железа о камень. Зато по снегу затем вполне удобно. Коньки глубоко врезаются в спрессованный снег, и точно не упадёшь. Даже против хулиганов устоять можно. А звёзд на небе – миллион. И домой как-то рано очень. Ближе к нашей трёхэтажкой – лабиринт из сараев. Сугробы сделали сараи доступнее. Ну, мы всем кварталом на крыши в любое время года лазаем, и всегда нас оттуда гоняют. Но сейчас всё равно никого вокруг нет. Знаю удобный лаз. Там между одним бревенчатым сараем и скучным железным гаражом наших соседей с третьего этажа (у них машина номер 33–33) есть такая щель, которую хозяева пытались забрать досками и хранить в ней дрова, но кто-то из алкашей поджог, и в результате получился удобный путь наверх. Даже подтягиваться не нужно.

И я лезу на крыши. Прямо в коньках. К звёздам и вечернему безмолвию. Снег кое-где хозяева счистили, и тогда идти приходится по замёрзшему чёрному толю с набитыми поперек крыши скользкими рейками. Выбираю поверхность побелее и помягче, угловой сарай деда Парамонова и сына его, грузчика Валерки. Плюхаюсь на спину. Изо рта валит пар, из носа – тоже бы валил, только я носом не дышу – дурная привычка.

Небо моё, небо. Никого, кроме нас двоих, нет здесь. Смотрю на звёзды и мечтаю, как починю рацию дедушки-ветерана из мельничного дома, он её нам с Лариской Иманталовой подарил. Как буду сидеть на своём дереве в той самой удобной развилке, которую я открыла летом, и с кем-нибудь разговаривать. А народ, что мимо в магазин ходит, будет смотреть и удивляться. А вот если бы научиться летать, так это б вообще... Можно будет с первого тополя, того, что ещё мама высаживала, когда маленькой была, и прямо до козырька подъезда. Таким поздним летним вечером. Ещё одеться в балахон какой-нибудь, метлу прихватить...

Замерзаю и поднимаюсь. Кстати, а как же отсюда спускаться теперь? Высоты я боюсь очень. Это залезть легко, а вот обратный путь совсем не так приятен. Балансируя, на коньках дохожу до крыши нашего сарая. Дорожку к двери обычно расчищает сама бабуля, так что будьте уверены – как бульдозер прошёлся. И с обеих сторон расчищенного – огромные рукотворные сугробы – вон, даже отметины от цыганской лошади на электрическом столбе почти закрыли. Цыган возит бутылки на телеге в магазин «Светофор», а лошадь свою рыжую к столбу привязывает. Она и погрызла. Бабушка ругалась, да без толку. От края крыши до сугроба внизу – метр, не больше. Набираюсь духу, смотрю последний раз на звезды. Плюх! Коньки со скрипом влетают в снег. Выворачиваюсь из сугроба, увязши там по пояс, скатываюсь на идеально расчищенную твёрдую дорожку. После меня она уже не столь идеальна. Качусь, как колбаса, ещё метра два – приятно. Потом – на четвереньки, выпрямляюсь – и топаю прямой наводкой в подъезд. Висну на перилах. Сжимаю зубы – так противен лязг металла о каменные ступени. Наш первый этаж, первый подъезд, первая квартира дома номер один улицы Привокзальной! Звоню раз шесть – пустите меня поскорее домой, я домой хочу-у!

Тепло, голые коленки красные-красные. Сажу на кухне. Батарею единым монолитом загромождают кое-как пристроенное пальто, шапка, варежки на резинке, гамаша, колготки, носки. Внизу – тряпка, чтобы на пол не натекло. В это время в прихожей бывший цирковой кот Босик брезгливо трясёт лапой, наступив в лужу возле моих коньков.

Я пью чай с вареньем из тернослива, бабуля вслух читает газету «Труд», которую собралась было резать на туалетные нужды, но нашла интересную статью о происках мирового империализма.

– Бабуля, а можно, я завтра крышу от снега почищу?

Ох, звёзды мои, звёзды, и куда же вы меня заведёте...

Наташка Перцева

Кладбище – это то, куда тянет, а страшно. На 9 Мая здесь полно людей. Тогда можно вволю насмотреться на могильные памятники, начитаться интересных фамилий, разглядеть в скомканной старой газете, что валяется во рву у ограды рядом с другим мусором, очертания черепа и, завизжав, метнуться прочь, напугав кого-нибудь. Только не Наташку Перцеву – её таким не проймешь. Наташка, дочь алкоголиков, приходит сюда с конкретной целью: набрать на могилах тюльпанов. Потом продаст их у вокзала, поест себе купит – беляшей там, лимонада. Она старше на два года, и дружить с Перцевой моя бабушка строго запрещает. Поэтому и дружим, конечно. Бабушка раз увидела, как мы с Наташкой вдвоём из будки их собаки Сынки вылезаем, так за голову и схватилась. Привела меня домой, помыть пыталась, говорит: «Чему тебя эта Наташка научит, а? Дружи лучше с Таней Поняриной, хорошая девочка». Мой встречный вопрос: «А чему научу Таню Понярину я?» бабуля не расслышала – ей в детстве снежком в правое ухо попали.

Хорошо мне с Наташкой, интересно. Мы и на мебельку с ней забираемся, и на крышу элеватора выходим, и у разбитого комбайна дружно сидим, «малиновки заслышав голосок...» поем, и на плотках весной... Нет. На плотках только хотим, но боимся. Там пацаны бешеные, а лужи совсем глубокие.

Наташка на кладбище говорит:

«Вон, видишь? Там человек лежит, с телевизки упал. Или сам, может, спрыгнул. Пойдем, покажу...» Мы сворачиваем с главной аллеи, ведущей к церкви. В эту старую церковь мы – ни ногой, потому что там чёрные старушки и неподвластные пониманию школьниц бородастые, как геологи, попы... Наташка находит нужную могилу: надгробие на ней сделано в виде телевизки. А настоящая – вон она, совсем рядом, за кладбищем. «Он с вышки этой упал. Поэтому ему и поставили такую же, только маленькую» – «А у нас неподалеку от дедушки есть ограда в виде детской кровати – там ребёночек похоронен. Хочешь посмотреть?» Мы идём в другую сторону от аллеи, людей там меньше. По дороге Наташка собирает с могил тюльпаны посвежее и укладывает на дно хозяйственной сумки. От Наташки всегда пахнет дымом. Даже если она подкрадывается неслышно и закрывает мне глаза руками, я всё равно узнаю её по этому запаху. Говорю, что дымом пахнет – а она чего-то обижается.

Кладбищенские цветы не пахнут. Они стоят во врытых в землю литровых стеклянных банках. Подружка тянет меня за собой – издали светофорным светом манят огромные тюльпаны. Продираемся сквозь тесные оградки могил попроще к гранитному надгробию. Перцева тянется, хватает заветренными пальцами ближний цветок, крутит в руке, прикидывая, надо ли брать: стебель совсем короткий, всего сантиметров десять. Всё равно достаёт цветы, суёт мне: «На, дедушке твоему положим!» И мы ищем могилу дедушки – а она рядом с длинным обелиском, покрашенным алюминиевой краской, не перепутаешь.

Сквозь выломанный прут решетки я залезаю к дедушке. Он смотрит на меня с портрета своими веселыми и хитрыми глазами. Портрет делали с фотографии, где мы с ним и моей сестрой вместе сидим. Маме очень нравится эта фотография – поэтому меня сбоку закрасили черным. Так что на самом деле плечо дедушки – это покрашенная я. Пристраиваю цветы, уравновешиваю, чтобы не вывалились из баночки. Как-то нерадостно, воды в нашей банке давно нет, только заросшие чем-то серым и зелёным края. Ну, ладно. Вспоминаю, как мы с дедом заглядывали в чужие дачные домики, прихватывали оттуда помаленьку такие же банки. Да нет, всё нормально – дедушка бы меня одобрил. И за то, что с Наташкой Перцевой дружу, никогда бы не ругал.

Дружба наша кончилась через год, когда Наташка стала не только думать, но ещё и без конца разговаривать о парнях. Это было так скучно, что хоть на стену лезь. «Ох-ах, а у него

такие брови, а у него такие руки, а у него такие волосы...» Тьфу! К тому же и папа перцевский меня совсем разлюбил: я Наташке помогала от него деньги прятать, а он обиделся страшно. Пообещал, если приду ещё раз, надеть мне на голову ведро помойное... В общем, всё как-то испортилось.

И в шестом классе я уже совсем перестала дружить с Наташкой Перцевой, у которой всегда был ячмень то на правом, то на левом глазу; и сосед – сумасшедший железнодорожник по прозвищу Алма-Ата–Москва, метавший в детей кирпичи и камни; много-много вышивок крестиком на белом и чёрном фоне; крольчатник без кроликов; просторная и удобная собачья будка, высланная изнутри жухлым бурьяном; кусты смородины, пораженные мучнистой росой; стопка блокнотных листочков с изображением кокетливых девушек – их рисовала Наташкина старшая сестра, уехавшая потом в Белоруссию; жуткий деревянный сортир с похабщиной на стенах; а также масса всяких полезных знаний об устройстве этого мира.

Октябрята

В общем, у нас «звёздочка» была. Это когда пять октябрят рядом живут, они должны организоваться и делать добрые дела. Например, на воротах ветеранов тоже звёздочки рисовать – с помощью трафарета. Или ещё что полезное. Я в «звёздочке» оказалась единственной девочкой. И мне хотелось кукольного театра и представлений. Ну, чтобы их кому-нибудь показывать – кто нуждается в этом. Тем более что мы с Девятовым и компанией в каком-то подвале головы нужные нашли. Кукольные. Но пацаны осмеяли мою затею. Девятов, гад, держался высокомерно и нагло – а ведь тогда у него ещё не отрасли платиновые кудри и челюсть Шварценеггера, это был всего лишь бледный заморыш со сталинскими замашками. Ему, в случае чего, ещё и навалить тогда можно было.

В результате мы, вместо того, чтобы звёздочки ветеранам рисовать и представления устраивать, кидали патроны в бак с горящим мусором перед магазином «Светофор», залегали в траве у сараев и смотрели, как прохожие и грузчик Валерка реагируют на взрывы. А патронов откуда-то было очень много у девятовского отца Александра Сергеевича, похожего на взбесившегося дикого кота. По слухам, он воспитывал своего сына сложенным вдвое резиновым шлангом от стиральной машины. Также я знала и очень любила маму Девятова, добрую, красивую и несчастную Маргариту Георгиевну, и даже бывала в гостях у его бабушки с дедом. Девятовский дед знал наизусть большинство стихотворных произведений Пушкина, весной на столе в их сумеречном прохладном доме стояли в вазе ветки белой сирени. Девятовский же отец был отчислен с последнего курса пединститута за участие в «Бале оборванцев», – невинном студенческом маскараде, разозлившем Комитет государственной безопасности. Это сильно испортило отношение Александра Сергеевича к жизни.

Ну, а сам Его Величество Девятов-младший прислал мне как-то во втором классе на уроке записку. Я сначала удивилась, а, когда прочла, рассвирепела. В записке было следующее: «Предлагаю тебе дружбу. Если не будешь со мной дружить, то мы тебя будем бить!» И я, посчитав, что мы и так уже с ним дружим, к тому же ненавидя всяческий шантаж, криво и гордо, толстыми буквами вывела на этой бумажке «Нет!» И отослала обратно.

В следующие два года у меня была вполне себе весёлая жизнь: я сражалась со всеми пацанами класса, вместе взятыми (а по отдельности они и не нападали, силы были неравны – спасибо, бабуля, ты хорошо меня кормила). Этот гад обладал несомненной харизмой, натравив на меня всех, кого только можно, и выдумывая мне всякие мерзкие прозвища. «Зубастая корова» – это было ещё самое нежное. А потом наш класс, состоявший из 43 учеников, разделили почти поровну на два, и какое-то время я училась без Девятова. И, хотя он иногда и устраивал на моём пути из школы серьёзные взрывы, я делала вид, что мне это неинтересно. И я взрывов, а также стаи ошалевших голубей над своей головой, не замечаю.

А в шестом он начал бегать за Лариской Мыльник – и это было непереносимо больно и несправедливо. Жили же мы с ним в одном доме, и он целыми днями мотался взад-вперед у меня под окнами на ревушем мопеде, в своей бордово-оранжевой клетчатой рубашке, а иногда в белой рубашке с глубокой складкой на спине, а иногда в модной синтетической голубой футболке с изображением мотоцикла – и плевать на меня хотел.

Тут я поняла, что люблю Девятова, и думала так вплоть до окончания школы, пока мы с ним не поцеловались на дне рождения у одной моей подружки. Потом я очень плакала на похоронах Маргариты Георгиевны – Девятова в это время отпустили из тюрьмы под подписку, что ли. После этого наши пути не пересекались. Хотя, повторюсь, гад он был ещё тот: ухитрился даже на собственной свадьбе подражаться со своей невестой. И педагогика здесь очевидно бессильна – с самого-самого начала. Хотя, боюсь, и в моём случае – тоже.

Как я сломала зуб

Мама поняла, что ничего не получится, ещё когда я училась во втором классе. Она надеялась, что я возьму и вырасту красавицей. А я взяла и сломала зуб. Надо сказать, что зубы у меня были выдающиеся – во всех смыслах. Во-первых, они только-только выросли, и выглядели гигантскими. Два огромных белых резца, выступавших вперед и даже заходивших один на другой – им места не хватало, чтобы спокойно сидеть себе рядом, так что правый нахально устроился, можно сказать, на коленках у левого. Они, эти новые зубы, появились совсем недавно, я к ним толком не привыкла. Мы с Девятовым в тот день, погрызшись немного на тему, кто будет космонавтом, когда вырастет, развлекались тем, что забегали на железную горбатую горку. Тут-то я и махнула головой не туда, врезалась зубом в железный бортик этого чудовища (в смысле – горки) и... прощай, мамини честолюбивые планы. «Зубастая корова стала беззубой...» – ошеломленно сообщил сам себе Девятов. Я, захватив брошенный велосипед, побрела домой и с расстройством легла спать под одеялом с пододеяльником. Надеюсь, что когда проснусь, всё будет по-прежнему. Но шершавый обломок – это было первое, что я почувствовала во рту, проснувшись и проведя языком по верхнему ряду зубов. Мама, придя с работы, так опечалилась, что даже дала мне подзатыльник и пробормотала, что это, конечно, уже всё – ничего не получится дальше. Зубной врач Беззубенко сказала, что надо ждать, пока я вырасту – детям коронки не ставят. Сестра пообещала, что теперь будет со мной ходить, чтобы я отпугивала, если кто к ней пристанет. В общем, я закрыла свой маленький рот и старалась поменьше говорить и смеяться, очень сильно контролируя вздёрнутую верхнюю губу – чтобы ничего из-под неё не выглядывало. Вид у меня при этом с годами становился всё более сдержанным и интеллигентным, так что взрослые мне стали доверять и считать рассудительной спокойной девочкой. Про личную жизнь теперь, конечно, можно было забыть навсегда.

И только добрый муж соседки Женечки-Шедевры, дядя Володя Смирнов, приглядевшись как-то ко мне, сказал, что я вырасту очень, очень красивой женщиной – но вот только зубы мне придётся поменять...

Дядя Володя Смирнов знал о зубах и красоте больше, чем прочие: его жена Шедевра, с тонкой талией, шальными глазами и фиолетовым париком, как раз сейчас сидела в тюрьме за то, что пыталась снять золотые коронки с какого-то собутыльника, когда тот уснул.

О пользе чтения

– Мам, а что такое опиум?

Да, иногда я всё-таки обращаюсь к маме с вопросами. В то время я зачитывалась Конан Дойлем и Эдгаром По, и происходило это, кажется, классе в пятом. Если соотносить мой биографически-учебный ход истории с большой историей человечества, то получится где-то в 1982 году от Рождества Христова. То есть, о наркотиках ещё никто ничего толком не знал – кроме отдельных любителей. Хотя... ведь дедушкины болеутоляющие таблетки были под строгим контролем ещё в то время, когда он умирал – в 1976 году. Значит, кое-что об опиуме всё же было известно и советским людям. Но мама не захотела мне ничего объяснять. Она, как обычно, сказала в духе стейнбековской героини: «Смотри в энциклопедическом словаре!» Мама, где только могла, приучала меня к самостоятельности.

Я посмотрела. И узнала из книжицы с карминного цвета обложкой и пергаментными страницами, что опиум – это засушенный сок мака. Прочее излагалось туманно. А я на полпути не останавливаюсь. Поэтому дальше узнавала про опиум на практике.

Ох, какая же у нас была дача! А цветы на ней... Я любила делать букеты из мака вперемежку с крупной садовой ромашкой. Только стебли мака требовалось заваривать, опустив в кипяток, иначе вся красота моментально осыпалась. Маки были огромные – с лепестками цвета пионерского галстука, но намного нежнее на ощупь. Мохнатые стебли, если оторвать резной листик, испускали капли млечного сока. Он быстро засыхал, становясь мутно-коричневым.

Я не стала ждать, пока он засохнет, так как была нетерпеливым исследователем, и попросту нализалась этого белого сока. Он был терпким на вкус, напоминал мак в пирожках. И уж точно – не ядовитым. Поэтому я не боялась отравиться, как боялась, например, грязных крапчатых цветков белены или колокольчиков дурмана.

А потом меня исключили из жизни. То есть, всё вокруг оставалось прежним, но меня в этом во всём уже не было. Я отсутствовала, совсем. Просто смотрела телевизор, где показывали вот это всё: нашу дачу, видневшуюся вдали насыпь кольцевой дороги, мою руку вблизи, совсем близко – кончик носа. Но меня! Меня самой в этом не было. И это оказалось безумно страшно. Зачем-то я взяла удочку и пошла на пруд ловить рыбу, хотя всегда панически боялась червей. Наваждение продолжалось. Какие-то мальчишки кричали мне (значит, они всё-таки что-то видели?) всякую матерную ерунду. Но, поскольку меня не было, можно было никак не реагировать, и я всё шла к берегу. А потом внезапно так скрутило живот, и оказалось очень даже хорошо, что вокруг раскинулись густые заросли камыша. Наваждение кончилось.

Я тогда не сделала никаких выводов. И ничего не поняла, но страшно испугалась. И, чтобы впредь себя не терять, никогда больше не лизала сок мака.

А через три года началась гласность и перестройка, и все маки дачникам велели уничтожить. И уже из газет и телевизора мои сверстники узнали про наркоманию и токсикоманию. Ну, а что касается книг... В них таилось ещё мно-ого интересных вещей, которые оставались мне непонятными.

До поры, конечно, до времени.

«Д'Артаньян» на подоконнике

Дело в том, что мой отчим оказался стеснительным человеком. И поэтому не разрешал мне смотреть телевизор. В телевизоре могли внезапно поцеловаться, и смотреть на это девочке было недопустимо. Ну, а если и не целовались, то всё равно нельзя: я же могла испортить себе зрение! Так что, когда включали телевизор, меня выгоняли в соседнюю комнату или на кухню. А уж за стеной я могла представлять себе всё, что угодно, слушая, о чём там говорят или молчат на экране.

Иногда я, конечно же, подглядывала. Но мой отчим обладал потрясающей интуицией, он мог машину с геологами вести без дороги, по звёздам – и всегда выезжал правильно. Он, вообще-то, был внуком деревенского колдуна, и даже свёл бабуле все бородавки на подошвах ног, закопав какую-то наговоренную ниточку в цветочный горшок.

Так что долго смотреть в щёлку на экран не получалось – меня ловили и выдворяли. Интуиция подвела его только на фильме «Д'Артаньян и три мушкетера». Поскольку целовались там будь здоров, этот фильм смотреть мне решительно не позволялось. Но и не смотреть его было выше моих сил. Тем более что книжку в библиотеке оказалось не достать, и роман этот я к тому времени ещё не читала.

Поэтому, ещё до программы «Время», ненавидимой мною до глубины души, я занимала позицию на подоконнике за шторами, аккуратно раздвинув бабушкины фиалки направо к аспарагусу и налево к декабристу, и весь фильм, затаив дыхание и стоя, не шевелясь, смотрела в узкий просвет между портьерами. И мне было совершенно наплевать, как там кто целуется – также, как и то, что подумают прохожие о девочке, замершей в нелепой позе в окне первого этажа. Да и немного их было, людей на улице – к этому времени магазин «Светофор» уже закрывали.

– А где же Ирочка, ей бы пора покушать, – заглядывала с кухни бабуля.

– А, бегают где-нибудь, – вежливо отрывался на секунду от захватывающего фильма отчим. Когда же за бабулей закрывалась дверь, бубнил:

– Лазиют тут...

Он всегда светски обращался к бабуле только на «вы».

А я всё стояла на подоконнике, не чувствуя усталости. Тянула шею, прищуривала глаза и мечтала, чтобы серия не кончалась ни-ког-да. И заучивала наизусть песни. Другого шанса у меня просто не было. А потом на улице мы с Лариской Иманталовой наперегонки писали прямо на тротуарах все тексты, заменяя французские слова похожей русской тарабарщиной. Я немного презирала Ларискино увлечение невнятной Констанцией, просьбы подружки называть её так: моим идеалом была деятельная Миледи. И благородный Атос мне тоже – очень, очень нравился.

Пиковая дама

Ну, надо было сходить на кладбище ночью, надо. Испытать, струшу я, или нет. То есть, сперва я никуда не собиралась. Просто пошла к маме в контору: что-то уж совсем засиделась она там одна, за отчётом, в этот безлунный зимний вечер. Но мама помотала головой: «Никуда не пойду, пока всё не сделаю. Тут самое интересное начинается, понимаешь?» Я не то чтобы понимала – геология весьма скучное и пыльное занятие, но всё-таки ушла. Домой же совершенно не хотелось. А тут рядом – кладбище, известное нам ещё по 9 Мая и Перцевой. Чего я о нём не рассказала? Ну, обычно мы ходили не с парадного входа, где прямая аллея вела к церкви, а через пролом у восточной стены – так короче. Пролом был в виде большого привидения. Вот меня туда и понесло в десять часов зимнего вечера. «Не ночь, но светлее не будет», – утешалась я, споря с собой о том, считается ли это «пойти на кладбище ночью», или не считается.

Вообще, в ту пору я была настроена мистически. Эдгар По и компания весьма этому способствовали. Главной моей мечтой было (конечно, только после мира во всём мире) стать ведьмой. И я фантазировала на эту тему с неистовой силой. Не иначе, как именно та самая сила и привлекла ко мне как-то на улице чёрную кошку. Это когда я шаталась другим тёмным вечером, вытаптывая на старый Новый год в снежной целине у дома огромную надпись «Дама пик». А «Пиковая дама» писать мне было лень, потому как длиннее. Испортив снег во дворе, в весьма томительном состоянии духа, я отправилась бродить теперь уже по кварталу. И за гаражами увидела чёрное на белом. Кошка сидела в сугробе и делала свои кошачьи дела. Но, зафиксировав моё присутствие, загребла снег лапой и двинулась навстречу. Дойдя до меня, она полезла вверх по пальто и взгромоздилась на плечо. Я поняла, что это такая вот моя ведьмина удача, и пошла хвалиться кошкой на мало-мальски людную улицу поблизости. Я гордо шла под светом фонарей с чёрной кошкой на плече, но редкие прохожие не обращали на меня ровно никакого внимания. У стадиона «Локомотив» кошка спрыгнула, а я развернулась и побрела домой, переполненная разного рода сказочными и мистическими ощущениями, вдыхая морозный воздух, от которого кружилась голова.

И вот теперь, зайдя за бетонную ограду кладбища, я, с паническим стуком крови в ушах, на подгибающихся ногах пошла от памятника у могилы цыганки всё дальше, дальше – к тому месту, где высокий монолит ограды сменял жидкий заборчик из прутьев, и уже вот-вот – и появится выход на свободу. Или... ещё что-то... появится... Тут я подумала: раз уж я здесь, надо о чем-нибудь попросить, чего зря пропадать моей храбрости? Вспомнилась Пиковая дама. И я её, уже выскочив наружу, попросила, чтобы... чтобы... Ну, не мира же во всем мире у неё просить? Я вспомнила недавно прослушанный за стеной фильм «Девчата», хмыкнула про себя и сказала: «Пусть в меня все влюбляются! И чтобы – штабелями, штабелями!»

Не сразу, но моё желание исполнилось. Только одно хочу сказать – в образовавшихся штабелях не было ни одного человека, кто нравился бы мне самой. И этот парад моральных уродов, маньяков и просто придурков продолжался очень долгое время, весьма отравляя мою жизнь. Так что лучше понимать, у кого просишь.

Ну, а что на кладбище ночью была, мне потом всё равно не поверили – ни в классе, ни во дворе, ни дома. А про Пиковую даму я никогда никому не рассказывала. Вот, только вам.

Душа

Это то, что делает мир объёмным, наполняет его шорохами листвы, тенями и бликами – никак не связанными с добычей денег, укреплением положения в обществе и поиском партнера. То, что заставляет лучиться глаза. Трепетать от предвкушения неизвестного чуда – вне зависимости от времени года и вкуса ветра. Совершать нелогичные поступки. Замирать, видя алый отсвет пиона на стене. Радоваться сну собаки.

Присутствие этого «нечто», его первый привет, замечается всеми по-разному. Одна девушка рассказала, что к ней осознание этого пришло во время страшной грозы, когда порыв ветра распахнул окна, и на пол полетели горшки с цветами. Пахло сломанной геранью, растревоженной землей, озоном, развевался и хлопал на ветру тюль, рвали небо молнии – и девушка вдруг поняла, что она – это она, и будет очень страшно умереть сейчас, ведь она только что познакомилась с собой. Её душа дала о себе знать, поздоровалась с тем, что было на обыденной поверхности...

Огромный кудрявый семинарист в поезде вспомнил, что с ним это было так: подростком он подошёл к зеркалу, и вдруг с пугающей очевидностью осознал, что там, напротив – его отражение. Что это – ЕГО отражение. Он посмотрел на свою руку, поднес ближе к глазам, повернул ладонью вверх: надо же... Впервые он смотрел на своё тело глазами души. И удивлялся.

Я сидела на краю канавы. Не помню, исполнилось ли мне тогда уже девять. Дачная канава разделяла соседские участки. Это был тихий уголок, полный соблазнов. Так, канава огибала белую сливу-ренклод старика Власова, с другой стороны блестели смолой сросшиеся стволы двух черешен, эта сладкая черешня соседей по фамилии Тафинцевы поспевала заметно раньше наших вишен. Рядом возвышался куст бело-зелёной гортензии, и ещё – голенастые цветы по имени Золотые шары, они склонялись над водой.

Берега канавы были из подгнивших чёрных дощечек, заросших изумрудным мхом. Кое-где доски заменили осколками выбеленного водой шифера. Бегущая мимо вода шевелила траву на дне. Иногда мимо меня проплывали лягушки с красивыми глазами, некоторые выпрыгивали на берег, деловито прятались в провал за досками у берега. Я тихо сидела и смотрела. Тут произошло то, о чём я говорила выше. Я поняла, что я – это я. И от этого знания было не убежать. Оно пугало, от страха кружилась голова. И надо было к этому привыкнуть – как привыкаешь к тому, что летишь в самолете, а под тобой – бездонная пропасть, и ты даже не представляешь, почему держишься в воздухе вместе со всей этой тушей самолета и другими людьми. Но – летишь...

Начальники

Начальников звали «шишки», и это было всё непонятно. Почему, например, если приезжает какая-нибудь важная персона (а чем она важнее других советских людей?), перекрывают дороги, выставляют охрану, а в магазины «выкидывают» колбасу, сливочное масло, яйца и даже сыр – то есть то, чего в обычное время там найти невозможно. Конечно, начинаются дикие очереди, колбасу выдают по 500 граммов в руки, и мы с бабулей отстаиваем по несколько часов – сперва на улице, а потом уже внутри магазина «Урал», и всякий раз молча переживаем, что вдруг перед нами колбаса кончится.

Запах в магазине стоит умопомрачительный, я глотаю набегающие слюни и мечтаю, что продавщица положит к обычной колбасе ещё обрезочек. И тогда бабушка точно скормит его мне, прямо здесь и без хлеба – за героизм и терпение. И, надо сказать, продавщица не подвела. О, этот дивный вкус соленого мяса, чеснока и жира!

Когда ещё был жив дед, я считала, что колбасы нет из-за гусениц. Они съедают всю траву, коровы голодают, и вот, пожалуйста: колбасу делать практически не из чего. Повзрослев, я рассталась с детским заблуждением, однако ничего не придумала взамен. Просто – приняла серую, ужасно замусоренную враньем взрослых реальность, где бесполезно что-либо спрашивать и выяснять причины. Над тобой посмеются и сочтут дурочкой.

Вот, например, зачем устраивать школьные субботники, если одна половина класса метёт мусор на территорию, только что вычищенную другой половиной? И как можно пережить, если мальчишки на таком субботнике кидают девочкам за шиворот дождевых червей и пытаются там их растереть, а некоторым девочкам такой знак внимания нравится, и всем весело?

Кажется, все остальные, особенно взрослые, знали правила некоей игры, а мне не хотели говорить. Я училась жить по книгам, а они совсем не совпадали с моей настоящей жизнью.

Например, сестра, с ясным взором голубых глаз и звонким голосом, скоро стала председателем пионерской дружины. И она же, повалив меня дома на пол, держала надо мной, поверженным врагом, маленького Ванечку и приказывала ему на меня писать. Извиваясь под её толстыми ногами и хрипя, я умоляла брата не делать этого. Мальш, гладкий, как яичко, тарасил карие глаза и, слава Богу, ничего не предпринимал. А в школе сестра с чувством читала стихи о чести, справедливости и прочих добродетелях школьников. Мне же, в порыве откровенности, говорила: «Они всё равно не влезут в твою шкуру. Вот, что хочешь, говори: проверить невозможно! Вот болит у меня – и все! Кто докажет, что не болит?»

Впрочем, я всё равно понимала, когда сестра врет: в ход шло множество мелких подробностей – обычно же она ими не баловала. И все в один голос говорили, что нашу умницу Лену ждёт хорошая карьера. Про меня же ничего не говорили, вздыхали только. А в школе учительница, претендовавшая на звание моей «второй мамы», закатывала глаза и, как сирена, завывала: «Земля и небо! Земля и небо!» – имея в виду нас, неравноценных сестёр Сергеевых.

Мне не нравилось к ним приспособливаться, к этим неприятным взрослым и детям. И я просто стала жить своим миром, куда хода не было никому. Вообще никому. Так и осталась одна.

Но это всё – лирическое, так сказать, отступление. Рассказать же я хотела о начальниках.

Дело в том, что мы жили в доме «шишек». Я-то просто потому оказалась по адресу Привокзальная, 1, что там были дедушка с бабушкой. Несколько квартир в этом кирпичном трехэтажном доме отдали под коммуналки простым смертным, а в остальные поселили разного уровня небожителей. К слову, у нас с Ивановыми квартира красивая: по периметру потолка идёт лепнина. А ещё здесь привольные окна, отдельные туалет и ванная, большая кухня. Когда дом ещё не был сдан, мой будущий дедушка позвал мою будущую бабулю посмотреть, что же там такое понастроили для начальства: сами-то они перебивались с тремя детьми в бараке

неподалеку. Дед заглянул в первую попавшуюся квартиру, прошёл по длинному коридору, подивился на антресоли. Покрутил носом: «Недурно!» – «Лёня, ты бы хоть сапоги снял, наследись ведь!» – укорила Капитолина Ивановна. «А, мать, не нам тут жить!» – отмахнулся от своего «домашнего НКВД» дедушка.

И оказался неправ. Советская Фортуна повернулось лицом и к рабочему человеку: что-то где-то заело, где-то – не так щёлкнуло, и внезапно часть квартиры с лепниной по периметру потолков досталась простому машинисту. В нашем подъезде была и ещё одна коммуналка. Там жили сумасшедшие фронтовички, сестры Торбины, изводившие своих соседей по квартире Шаркевичей ядрёной кошачьей вонью: любили этих животных.

Ещё две-три семьи попроще обитали в скромных однокомнатных. Там лепнины на потолках изначально не было.

Ну, а теперь о начальниках.

На втором этаже в нашем подъезде жил небольшой Михал Семёныч, или Главначпупс, как за глаза звала его моя мама. Он был парторгом хлебозавода, носил шляпы и любил поруководить. Часто можно было видеть Михалсемёныча во дворе, указующего начальственной дланью на то или иное безобразие соседям или работникам магазина «Светофор»... Что именно говорил Главначпупс, слышно не было – ведь любоваться этой фигурой, напомилавшей героев Чарли Чаплина, удобнее и безопаснее всего было из окна нашей кухни. Жену парторга хлебозавода звали Евгенией Сергеевной, болонку – Яшей. На дачу Михаил Семёнович ездил, вызывая такси (и зубовный скрежет коммунальной составляющей дома). А если по какой-либо надобности я стучала к ним в дверь, то из глубин квартиры иной раз можно было услышать вальяжное: «Яша, кто это нас беспокоит?»

В третьем подъезде жили Белкины. Бабушка рассказывала, что хромой и чернявый начальник «энгэче» Белкин при заселении настолько разъярился из-за того, что получил жилплощадь меньше обещанной, что топором прорубил дверь в стене, ведущей к соседу. И отобрал у него комнату. Так у Белкиных получилась четырёхкомнатная квартира, и всё это как-то уладили. Бабушка избегала здороваться с Белкиным. А мне у них нравилось: переминаясь с ноги на ногу на пороге, я просила дать чего-нибудь почитать. И тогда мне выносили фантастику, детективы, приключения – с экслибрисом в виде белки...

Дед Алексей

Когда я ещё не просто жила на Привокзальной, 1, а находилась «временно у бабушки» – так подписала участковая медсестра мою медицинскую карту, и жив был дед Алексей, мы много смеялись и шутили. Дедушка, чтобы порадовать нас с сестрой, пришивал к своей оранжевой рубашке разноцветные пуговицы, говорил о себе вместо «я пошел» – «я пошла»; вызывая восторженный детский визг, носил нас на руках, шее, плечах, катал на спине, и, что особенно ценно, очень меня любил и звал в честь себя Алёшкой. Тогда мне ещё можно было смотреть телевизор. Его маленький экран бабуля прикрывала от прямых солнечных лучей куском бархата изменчиво пурпурного цвета. В телевизоре интереснее всего было встретить маму с папой – Шурика и Нину из «Кавказской пленницы», соседа дядю Колю Иванова – Балбеса из «Операции Ы», и, конечно, дедушку: это когда показывали фильм «Весёлые ребята». Там дед, только молодой, но такой же озорной, устраивал перекличку коров и коз. Пел, хохотал и сверкал глазами.

– Это ты там? – я зачарованно кивала на выпуклый экран.

– Конечно! Кто ж ещё?

– А... как?

– Эх, давно снимали!

Я любила рассматривать его ордена и медали. А, когда он спал, мечтала закинуть ему в рот деревянную шпульку от катушки ниток. Дело в том, что дед спал с открытым ртом и открытыми глазами, и при этом храпел. Не знаю, почему меня так привлекала эта идея со шпулкой – но навредить я не хотела, это уж точно. К тому же, в то время была твердо уверена, что взрослые вообще не чувствуют боли, и никакой беды я своими действиями не причиню. Да и как можно было навредить дедушке, если даже свои ногти на ногах он стриг плоскогубцами – вот какой был прочный человек, хоть худой и жилистый. А его зуб мудрости хранился у бабули в специальной коробочке. Этот, по-бизоньи мощный, жёлтый прокуренный зуб оказался совершенно целым, но его пришлось выдернуть, чтобы вставить искусственные челюсти: все остальные зубы дедушка потерял от цинги в лагере, а жевать чем-то надо было.

– Почему дедушка не закрывает глаза, он же спит?

Бабуля объясняла, что веки теперь не закрываются, потому что дедушка вез с войны раненых в поезде, и очень торопился. А какая-то колосниковая решётка упала в топку паровоза, и поезд встал. И тогда дедушка нахлобучил на голову вывернутую мехом внутрь цигейковую шапку, завязал её тесемки крепче под подбородком, надел две телогрейки, ватные штаны, несколько брезентовых рукавиц – слоями, велел напарнику облить его водой и полез прямо в пылающую страшным пламенем топку паровоза. И он поднял эту решетку, и все раненые смогли ехать дальше. Врачи в том поезде оказали дедушке первую помощь. Но, когда приехали, дед, не побоявшийся лезть в огонь, очень опасался показаться бабуле, потому что та стала бы его ругать. Лицо у дедушки обгорело, но потом кожа восстановилась. Только веки уже никогда не закрывались. За этот подвиг деду дали орден Ленина.

– Твой дедушка знаешь, какой человек? Трудовик! Трудом живет, честно!

Бабушка ни капли не лукавила: когда-то дед, увидев, что его старший сын, увлекшись игрой на мандолине, радиолюбительством и нестандартными формами Аллочка Черновой, завалил учебу, заставил его остаться в десятом классе на второй год. Чтобы нормально отучился и не позорил фамилию. Такие были нравы и времена, а самым оскорбительным ругательством в семье дедушки и бабули было слово «приспособленец».

– Твой дед – он нигде не пропадет. В детстве, чтобы выжить, бегал с чайником по вокзалу, проезжающим кипятком предлагал. Бойкий был, живой – его Огоньком прозвали.

Интересно, что у бабули, когда она в юности работала лаборанткой у Вавилова, сложилось прозвище Ветреница. И вовсе не из-за кокетства – Капитолина была на редкость целомудренна. Но такая быстрая, что, когда шла мимо рабочих столов, у сотрудников разлетались бумаги. А ещё она, задумавшись, могла обогнать саратовский неспешный, но всё-таки трамвай. Вот и встретились однажды на похоронах поэта-самоубийцы заматеревший Огонек и Ветреница. И получилась такая длинная-предлинная история с ветром, огнем и, если не с любовью, то уж наверняка – с судьбой и четырьмя детишками. Впрочем, об этом – не сейчас.

Мой дедушка Алексей умер от голода: неумолимый рак не давал возможности принимать пищу. Мама с бабулей растапливали шоколад в жирных сливках, поили с ложечки, по капле – но организм не принимал ничего. Обращались к какой-то сибирской травнице: посылка, битком набитая сеном в толстых полиэтиленовых пакетах, утешила ненадолго. Ложиться к хирургам под нож дед отказался наотрез. Я на всю жизнь запомнила его возмущение, решительный отказ, за которым слышались испуг и боль: «Да они зарежут – и всё! Мяса им в магазинах не хватает!» Так и не смогли уговорить его на операцию.

На 9 Мая дед нашел в себе силы поздравить всех наших соседей по подъезду с праздником. Поднимался на третий этаж к фронтовичкам Торбиным, дарил ранние в том году пионы. За месяц превратился в тень, и на мой день рождения, 6 июня, его не стало. Последнее, о чём он спросил – а внучке не забыли купить подарок?

С тех пор моё рождение никогда не отмечали в семье день в день – в память о своём отце мама запретила это делать. Через 34 года я нарушила запрет. Но с тех пор первый тост – за него, деда Алексея.

И ещё о дедушке

Когда дедушки уже не стало, бабуля иногда рассказывала о том, какой он был озорник: как-то, не знаю уж, зачем, распустил слух про одного железнодорожника, что у того, мол, есть небольшой хвост, загадка природы – вот он и не ходит в общественную баню вместе со всеми, стесняется. А ещё бабуля вспоминала, как дед всех жалел, и запросто мог привести домой каких-нибудь бедолаг с вокзала, отставших от поезда – чтобы поели, переночевали, или хотя бы отдохнули. Он дружил со всем районом. И, когда Капитолина Ивановна видела, как двое милиционеров ведут её подвыпившего супруга, и у неё подкашивались ноги от предчувствия беды – эти суровые люди в форме, улыбаясь, говорили: «Вот, хозяйка, принимайте, привели вам нашего Абрамыча!»

Дед морально расслабился после лагеря: ведь революцию делали для таких, как он. Огонек верил в справедливость, был коммунист и рубаха-парень. А тут вдруг – «английский шпион», тюрьма, пытки...

В молодости он много и горячо работал, быстро выдвинулся, стал заместителем директора депо. У них с Капитолиной только родился первенец: заканчивался 1937 год. Про деда написали в газете, что при обыске под печкой у этого «врага народа» обнаружен пулемет... Бабуля рассказывала, что в квартире-то и печка была так устроена, что никакого пространства под ней не имелось. Как, разумеется, и пулемета. Той ночью к ним стали ломиться в дверь. Капитолина подумала, что какие-либо приятели зовут Алексея гулять, встала и, по её выражению, «спустила на них всех собак». А это оказались люди из НКВД. Дед исчез – как и множество крепких, умных мужчин. И только по-прежнему остался висеть его портрет на Доске почёта в депо.

Через несколько недель бабушке принесли дедов бумажник, а в нём письмо: передавший говорил, что нашел бумажник на дороге. Алексей писал, что ни в чем не виноват, чтобы ждала. Также называл точную дату и место, откуда их отправляют в лагерь. Куда – не знает. И ещё: пусть Капитолина передаст это остальным. Ранним утром она стояла среди толпы на холме – в Саратове таких взгорков немало. Внизу тянулись железнодорожные пути, хорошо просматривался состав, готовый к отправлению. А возле него, под конвоем – тысяча мужей, сыновей, отцов. Они там угрюмо молчали, а сверху вниз катился женский вой. Потом женщины при-молкли, стали говорить: «Смотри, смотри!» И читать по буквам одно слово, одно лишь слово: это их мужчины, раздобыв где-то газеты, оборвали страницы в виде больших букв. И молча, как могли, сообщая складывали название места, показывая тем, кто наверху, куда их повезут.

Эти люди ждали отправки в болота, мрак и холод, навстречу смерти: рыть Беломорканал.

Бабушка-отличница, в юности не прошедшая в институт из-за «происхождения», теперь опять стала социально чуждым элементом – женой «врага народа». Её уволили из университетской библиотеки, не брали на работу, знакомые отшатывались при встрече. Не пропасть с голоду помогли родственники.

Через год дед вернулся. Выяснилось, что нарком Ежов погорячился, загубив неповинных людей, и теперь сам должен быть расстрелян. А тех, кто смог выжить, отпустили восвояси. Но в партии не восстановили.

Дед умел выживать. Его, пытаясь сломать, после допроса кидали в подвал к убитым. Потом сажали к уркам – но он знал, на каком языке разговаривать с ними.

Бабушка тоже умела выживать. Ведь вернувшись, дед стал пить и гулять.

Выживать по разным поводам – это у нас семейное. Мама как-то в моём детстве, вроде бы и без причины, повернув вдруг ставшее твёрдым лицо, отчеканила: «Самоубийство – это позор! Это не выход! Выход есть непременно. Надо жить!» Не помню, к чему это она говорила. Мамина нежность всегда немного напоминала мне шёлк и бархат только что залитого бетона.

Испытания атомного оружия в космосе

Так уж получилось, что я очень не люблю громкие воющие звуки. По мере взросления меня пугали сначала пылесосом, потом газовой горелкой, которой стали нагревать наш титан вместо уютных дров – дабы раз в неделю получать горячую воду для ванны. Ну, а потом сестра придумала себе роскошное развлечение. Когда я была ещё первоклассницей, она сказала, что самолеты, которые летают там, наверху, в любой момент могут сбросить на нас бомбы. После этого при виде любого «кукурузника» я покрывалась холодной испариной и с воплем неслась к дому, что весьма её забавляло. Потом сестре надоело, и она забыла. А я – совсем напротив. Просто научилась скрывать свой страх.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.